

ДМИТРИЙ ПРАВДИН
**ЗАПИСКИ ХИРУРГА
ВОЕННОГО
ГОСПИТАЛЯ**

Медицинский бестселлер (АСТ)

Дмитрий Правдин

**Записки хирурга
военного госпиталя**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Правдин Д. А.

Записки хирурга военного госпиталя / Д. А. Правдин —
«Издательство АСТ», 2018 — (Медицинский бестселлер (АСТ))

ISBN 978-5-17-109537-6

Талантливый молодой хирург получает заманчивое предложение о работе. Его приглашают стать заведующим хирургического отделения военного госпиталя. Престижная должность, высокий оклад и, казалось бы, тихое местечко. Не тут-то было! Герою книги предстоит познакомиться с не самой привлекательной изнанкой армейских будней.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-109537-6

© Правдин Д. А., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Журнал учета журналов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Правдин
Записки военного хирурга

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Журнал учета журналов

Я, восхищаясь, замер у заиндевелого окна на шестом этаже ординаторской хирургического отделения многопрофильной больницы и тайно залюбовался мягким пушистым снегом, падавшим с просвинцованного петербургского неба, словно бы из гигантской перьевой подушки, распоротой на всю длину, когда равнодушный телефонный звонок оторвал от приятного созерцания. Мне нравилось наблюдать, как ослепительно-белые рыхлые хлопья непрерывным потоком неслись вниз и укрывали серый мегаполис пушистым мягким ковром, превращая его в потрясающей красоты сказочный град. Черные грязные просеки улиц, проложенные сквозь хмурые серые шумные кварталы спального района и засеянные однообразными тусклыми многоэтажками, на глазах превращались в фантастические замки, выкрашенные в свежий молочный цвет. Раздетые до наготы убежавшей вместе с ветрами осенью деревья и неказистые, лишенные листвы колючие кусты шиповника, высаженные по периметру больницы, за считанные минуты обрядились в пушистые шубы, скрыв свою неприглядную обнаженность.

Телефон не умолкал, надрывался, недовольно подрагивая в боковом кармане моего белого халата, требуя незамедлительно обратить на него внимание. Я со вздохом отвел взгляд от промерзшего окна и взял аппарат в правую руку.

– Добрый день, это Дмитрий Андреевич Правдин? – поинтересовался энергичный приветливый женский голос на том конце провода. – Поздравляю, вы прошли по конкурсу, – бодро продолжила собеседница, после того как я подтвердил свою личность. – Поэтому мы приглашаем вас на должность заведующего хирургическим отделением в военно-морской госпиталь.

– Ба! – удивился я. – Вспомнили, наконец. Я свое резюме еще в конце августа прошлого года направлял, как только прочел ваше объявление на сайте работ в интернете. А сейчас, простите, уже начало февраля.

– Извините, но мы тогда поспешили и приняли другого человека, а он нас, к огромному сожалению, не устроил, – уже с меньшим энтузиазмом вздохнула собеседница. – Вы были вторым в очереди на рассмотрение. А теперь, стало быть, первый.

– Нда-а-а, – многозначительно протянул я и крепко задумался.

– Дмитрий Андреевич, – испуганно поинтересовался голос, прервав затянувшуюся паузу, – так вы, значит, отказываетесь?

– Как вам сказать? В августе прошлого года я бы с превеликим удовольствием перешел к вам, а сейчас...

– Извините, – вежливо прервала меня девушка. – Вот вы же сейчас простым, рядовым хирургом работаете, а, судя по вашему резюме, вы долгое время возглавляли крупное хирургическое отделение на Дальнем Востоке. Неужели вам не хочется опять стать заведующим? Или в простых врачах вам комфортней?

– Разумеется, – замялся я, – быть заведующим хирургическим отделением, да еще в Питере, куда привлекательней должности рядового ординатора. Однако прошло почти полгода, и я вот так с ходу не готов вам дать положительный ответ.

– Ладно, – тускло согласилась трубка, – это ваше право. Только учтите, начальнику госпиталя очень ваше резюме понравилось, и он бы желал видеть вас у себя заведующим хирургическим отделением. Разумеется, после личной беседы с ним. Так что ему передать?

– А, – махнул я рукой, – передайте, что я готов с ним встретиться! В конце концов, за просмотр денег не берут, да и не каждый день предлагают стать заведующим отделением в славном городе Санкт-Петербурге.

Через два дня, чавкая подтаявшим ноздреватым снегом и с опаской переступая мутные с кусочками тонкого льда лужицы, я неспешно подошел к величественному старинному госпи-

талю, расположенному недалеко от устья Невы, что стоит почти в самом историческом центре города.

Еще издали я невольно залюбовался монолитными крепкими зданиями, составляющими единый ансамбль этого прославленного учреждения. В центре возвышается бывший княжеский трехэтажный особняк, постройки конца XVIII века, подаренный в прежние времена их владельцами морскому ведомству для устройства в нем «гошпиталя» для военных моряков. Третий этаж особняка был надстроен в 30-е годы прошлого века, но общего вида не портил, а наоборот, гармонично дополнял архитектурную красоту. В стороны от него простираются достроенные позже остальные лечебные корпуса. Их роскошные царственные фасады смотрят на одну из главных водных артерий Северной столицы. Закованная в серый с темными проплешинами лед река и переброшенный через нее известный во всем мире каменный мост с четырьмя башенками дополняют ощущения, что ты находишься в старом дореволюционном Петербурге.

И вот я уже преодолел казенно-строгие ворота КПП и с замирающим от нахлынувшего на меня восторга сердцем проследовал во внутренний двор. Увы, тут картина броско менялась. Покосившийся, на ладан дышащий забор из белого кирпича, невидимый глазу с центрального входа, обветшавший внутренний фасад с огромной трещиной в половину стены и облупленная во многих местах штукатурка произвели неприятное остужающее впечатление. Словно вылили на мою горячую голову ушат ледяной воды. Да-а-а, ремонт бы тут явно не помешал, и ремонт основательный. И причем, судя по расширяющейся кверху трещине, хорошо бы не откладывать в долгий ящик. Зато подведомственная территория, как и полагается настоящему объекту министерства обороны, сияла идеальной чистотой и радовала глаз безукоризненным порядком.

О славной истории госпиталя красноречиво свидетельствовал ухоженный памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны морякам-балтийцам, устроенный в глубине двора. У его подножия лежали кроваво-красные живые гвоздики.

Однако, войдя в штаб, где помещался кабинет начальника госпиталя, я вновь оказался разочарован. Такой махровой разрухи, господствующей внутри приличного и крепкого на вид здания, я уж никак не ожидал застать. На всех этажах властвовал откровенный разгром. Всюду стояли какие-то пустые старые шкафы, сломанные стулья, скрипящие диваны, укутанные в облезлый дерматин, кучки строительного, и не только, мусора, ободраный, много дней не мытый линолеум и замызганные стены, обшитые рассохшимися, давненько не крашенными досками. Складывалось впечатление, что его хозяев застигла врасплох война и они, спешно собрав лишь самое необходимое, быстро сбежали, побросав впопыхах остальное добро.

Огромное семиэтажное здание штаба госпиталя постройки середины 80-х годов выглядело не только брошенным, но и пустынным. Из всего имущества, доступного обзору, в хорошем состоянии оставалась только серая мраморная доска с выбитым Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении Госпиталя орденом Ленина за подвиги, совершенные его персоналом в суровые годы Великой Отечественной войны, прикрепленная на самом видном месте – на стене у центрального входа.

Побродив минут десять по покинутым людьми этажам, я начал сомневаться: а не ошибся ли часом адресом? Возможно, не туда попал? Тут, на мое счастье, довольно громко скрипнула в конце коридора второго этажа разохшаяся дверь, и в просвете мелькнула полная женская фигура. Милейшая тетенька доступно разъяснила мне, куда нужно следовать. Попутно она шепнула по секрету, что из-за отсутствия уборщиц большинство лестничных пролетов закрыто на замок, поэтому к начальнику можно попасть только на лифте. И лифт тут своеобразный: вместо необходимого мне пятого этажа надобно было нажать цифру «6», а когда поеду назад, то «2», так как первая кнопка приведет в подвал. И все команды надлежит дублировать засаленной кнопкой с лаконичной надписью «Пуск».

Начальник госпиталя, Марат Иванович Волобуев, оказался среднего роста суровым мужчиной лет сорока с бритой наголо головой и небольшими «белогвардейскими» черными усиками над плотно стиснутыми тонкими губами, в черной морской форме с золотистыми погонами подполковника. Улыбнувшись лишь уголками рта, подполковник гостеприимно усадил меня напротив себя на жесткий стул, сам же удобно развалился в мягком высоком кресле. Чаю не предложил.

Кабинет у него оказался под стать штабу весьма задрипанным и настойчиво требовавшим изрядного ремонта. Новой была только большая карта Санкт-Петербурга и его окрестностей, висевшая у начальника за спиной и раскрашенная на военный манер разными цветными стрелочками и кружочками. На столе у него валялись какие-то, видимо, весьма важные, бумаги и огромная кипа «Военно-медицинского журнала» за прошлый и этот годы.

– Не скрою, Дмитрий Андреевич, меня ваше резюме сильно впечатлило! – без предисловий, по-военному, перешел к делу подполковник. – Хотелось бы, чтоб вы вкратце рассказали о себе, а после я дам вам свой ответ.

– Ответ на что? – изумился я такому повороту событий.

– Подходите ли вы нам на должность заведующего хирургическим отделением или нет? – пришел черед удивляться Марату Ивановичу.

Я не стал спорить, доказывая, что желание работать в их госпитале у меня не так ярко выражено, особенно после того, что я увидел вокруг, а взял, да и в течение пяти минут выложил свою незатейливую биографию.

– Ну, что ж, – довольно крикнул начальник госпиталя, когда я завершил свое повествование, – я полагаю, что вы нам подходите. Можете прямо сейчас написать заявление о приеме на работу.

– А вы не хотите узнать мое мнение на этот счет?

– Ваше мнение? – Волобуев недовольно посмотрел на меня. – А для чего вы тогда сюда пришли? Разве не на работу устраиваться?

– На работу, – согласно кивнул я, – но никак не ожидал, что так вот сразу и нужно выходить.

– А что вас смущает?

– Многое! Во-первых, я еще окончательно не решил, пойду ли я к вам работать или нет. Все же с августа месяца прошлого года, когда я так рвался в ваши ряды, уже много воды утекло. Во-вторых, я еще не уволился с прежнего места работы. И, в-третьих, самое главное, вы не озвучили тот фронт работ, который, если я все же соглашусь, мне предстоит осваивать. Простите, по тому, что тут увидел, – я многозначительным взглядом обвел обшарпанные стены и затертый до дыр линолеум на полу, – у меня сложилось впечатление, что у вас тут не совсем все благополучно.

– Нда-а-а, – протяжно выдохнул начальник госпиталя, машинально погладив правой рукой бритый затылок, – вы правы, состояние дел у нас не на высоте. А в хирургии и вовсе полный завал. Вам, если вы, разумеется, согласитесь у нас работать, – Марат Иванович многозначительно посмотрел мне в глаза, – придется многое начинать с нуля.

– Что-то в подобном роде я и предполагал! – слегка улыбнулся я, давая понять собеседнику, что настроен на позитив. – Трудностей я не боюсь! Не впервой, знаете ли. А почему в таком прославленном учреждении и такой, как бы это помягче сказать... упадок? Или это военная тайна?

– А чего тут таить?! – Марат Иванович с силой махнул рукой, как бы отгоняя от себя невидимого врага. – Вы же помните, наверное, что был у нас такой министр обороны – Толя Табуреткин?

– ???

– Его так прозвали за то, что в свое время он начинал как директор мебельного магазина. А потом двинули его на повышение – всеми вооруженными силами страны командовать. Вот и докомандовался.

– А-а-а, что-то припоминаю: пресловутые его реформы о реорганизации армии? Сокращение, увольнение и тому подобное?

– Так точно! – тяжело вздохнул подполковник и с силой сжал свои неслабые кисти в мощные кулаки. – Он тогда чуть всю армию не развалил! Вот и госпиталь этот тоже чуть не закрыл. Тут же раньше тысяча коек было! Больше двадцати отделений! Из них более половины – хирургического профиля. Уникальный коллектив, уникальный опыт и наработки. Ведь госпиталь принимал раненых почти со всех войн, начиная с Крымской кампании, в которой еще поручик Лев Толстой, принимал участие. Большинство наших врачей прошло не одну «горячую точку». И все чуть коту под хвост не пошло. Госпиталь закрыли, людей разогнали. Территорию едва-едва не пустили с молотка. Слава Богу, вовремя остановились. Теперешний министр, наоборот, стал все восстанавливать. Но это только начало! Разруха стоит страшная, как после настоящей войны!

– Да я уж заметил!

– Вот только в августе прошлого года нам разрешили открыть хирургическое отделение. Начали набирать штат. Объявили, как и положено, конкурс. Мне еще тогда ваше резюме понравилось, – Волобуев опять посмотрел мне в глаза, но уже мягче и как бы добрее, – но пришел приказ взять на место заведующего одну даму.

– Даму?! – я чуть не упал со стула. – Заведующим хирургическим отделением в военно-морском госпитале решили назначить женщину?

– Увы, – подполковник потупил взор, – ничего не смог тогда с этим поделать! Мне буквально ее навязали! Ох, и хлебнули же мы с ней горя! Ладно, дело прошлое. Мало того, что она оказалась сугубо гражданским лицом, так еще и... – он набрал в легкие побольше воздуха и, резко выдохнув, не закончил предложения. – Насилу от нее избавились. В общем, хирургию нужно поднимать с колен и вытаскивать из той пустоты, куда она угодила. Там сейчас та-а-акой бардак! Так что, если вас такой расклад устроит, то милости просим!

– Хорошо! Я, в принципе, согласен! Начнем реанимировать хирургическое отделение, – я попытался широко улыбнуться, но вышло как-то неубедительно.

– Да вы не переживайте, – уловив мое настроение, впервые за все время разговора начальник госпиталя по-доброму взглянул на меня, – там ничего сложного нет. Главное – чтоб был порядок в отделении, а все остальное приложится. Главное – чтоб был идеальный порядок! Порядок во всем!

Я не придумал тогда особого значения, можно сказать, ключевым словам. Если сказать честно, так и вовсе пропустил их мимо ушей. Что значит «порядок»? По-моему, хирургические отделения никогда не тонули в грязи и антисанитарии. На то она и хирургия!

Первого марта начался мой первый рабочий день в качестве заведующего хирургическим отделением в военно-морском госпитале. Поднимаясь на третий этаж, где располагалось вверенное мне отделение, я невольно задержался у копии картины Айвазовского «Девятый вал», висевшей на выкрашенной в тускло-синий цвет широкой стене в резной деревянной раме, сработанной под темную бронзу. Первое, что бросилось мне в глаза – это прояснившееся небо на заднем плане и небольшие волны вокруг спасшейся шестерки моряков. Хороший, как мне показалось, знак в начале карьеры.

У входа в отделение меня встретил понурый лопухий солдатик бледного вида в казенном коричневом халате с пришитым застиранным подворотничком, сидящий сбоку от входа у облупленной стены на поскрипывающем стуле с белым инвентарным номером на задней ножке. Узнав, кто я такой, служивый живо вытянулся во фронт и дрожащим голосом объяснил, как найти старшую медсестру.

Так как предыдущую заведующую уволили, не дождавшись моего появления, а исполняющий обязанности руководителя отделения доктор был сегодня вызван в головной госпиталь, то в курс дела меня вводила старшая сестра Елена Андреевна Гладышева – красивая статная женщина чуть за сорок в белоснежном халате и высоком синеватом колпаке, идеально ей подхивших.

– Вот ваш кабинет, – негромко звякнув ключом, строго произнесла Елена Андреевна, отворяя давно не крашенную дверь с выцветшей красной табличкой «Заведующий хирургическим отделением».

– Спасибо! – благодарно кивнул я старшей сестре, принимая из ее рук увесистую связку дверных ключей. – А что так много?

– Тут еще не все, – приветливо улыбнулась Елена Андреевна. – Если хотите, то...

– Не хочу! – остановил я ее рукой, давая понять, что все ключи мне пока ни к чему. – Оставлю только от своего кабинета, а остальные пускай остаются у вас, – я вернул ей ключи от ванной комнаты, от обоих выходов в отделении, от входа на чердак, от перевязочной и от черт знает чего еще, оставив у себя только ключ от кабинета заведующего.

– Да, но у заведующего хирургией должны находиться все дубликаты ключей отделения! – попыталась возразить старшая сестра.

– Пустое! – отмахнулся я. – Буду еще забивать голову какими-то ключами. Других дел, что ли, нет?

Внутренний вид кабинета здорово опечалил меня. Он смахивал на своих грустных собратьев, обитавших в штабе. Просторная комната с внушительным двухметровым окном и высоким, под пять метров потолком хранила в себе старую, выдавшую виды мебель, покрытую толстым слоем едкой серой пыли. Отвратно пахло табачным дымом, уже въевшимся в покрытые светло-коричневым оргалитом стены, и очень так гадко несло из треснувшей раковины, присобаченной в правом от входа углу под тусклым краном для мытья рук. Продавленный, в каких-то подозрительных пятнах плюшевый диван уже сам просился на помойку, а покрытый заляпаным, в мутных разводах стеклом письменный стол просил заменить ему подкосившуюся ножку. Скрипящие колченогие стулья, числом семь, нестройным рядом выстроились вдоль левой стены. И над всем этим витала разруха и скорбь по былому величию. Единственным приличным образцом мебели мне показался относительно новый книжный шкаф, стоявший слева от загаженного мухами окна и доверху набитый какими-то толстыми папками и книгами в потертых переплетах.

– Можете пока у меня в кабинете поселиться, или в ординаторской, – мягко предложила старшая медсестра, перехватив мой недоуменный взгляд, внимательно изучающий обстановку в кабинете. – Пока ребята тут порядок наведут.

– Так, а что же ребята раньше его не навели? – протер я указательным пальцем покрытый густой пылью подоконник, оставив на нем заметный след.

– Не знаю, – пожала плечами Елена Андреевна. – Предыдущую заведующую все устраивало. Да и потом, вдруг у вас какие свои пожелания будут?

– Да пожелания одни, – я открыл кран и смыл с пальца налившуюся пыль, – как можно скорее избавиться от всего этого хлама и получить новую мебель. Единственное, что можно оставить, так это книжный шкаф. Он тут самый, на мой взгляд, приличный образец мебели. Естественно, все эти макулатурного вида папочки, что покоятся внутри, немедленно выбросить на помойку.

– Насчет новой мебели – тут глухо как в танке! – невозмутимо сообщила старшая сестра. – А, как вы их обозвали «макулатурного вида папочки», – это важные документы, которые очень пригодятся для вашей дальнейшей работы, – она особенно нажала на слово «очень».

– Что же в них такого особенного? – покосился я на собеседницу, пытаясь повернуть заржавевший шпингалет на оконной раме, чтоб открыть разохшуюся форточку.

– Лучше не трогайте окно руками, а то еще рама, не дай Бог, целиком выпадет на улицу, потом отвечай! – громко предупредила Елена Андреевна. – Вначале его нужно как следует укрепить!

– Так, а что раньше-то не укрепили? – нахмурился я, убирая руки прочь от окна. Оно и вправду не внушало доверия, а из разошедшейся и обветшавшей рамы заметно потянуло свежей струей холодного воздуха.

– Предыдущее начальство вполне устраивало, – тяжело вздохнула старшая сестра. – Вызовем столяра, он что-нибудь придумает.

– Скажите, а пластиковое окно нельзя будет установить?

– Пластиковое? – она неприкрыто улыбнулась. – Хорошо если это хотя бы починят! Тут же старинное здание, тем более эта стена выходит на проезжую часть городского проспекта, и нужно особое разрешение муниципальных властей на замену окон. Кто возьмется хлопотать?

– Ладно, пластиковое окно не получится вставить, но почему же не починили в свое время имеющееся? Рама же не вчера разохлась! Вон как сквозит! – я поднес руку к щели и явственно ощутил ледяной поток, идущий с улицы. – Что, предыдущую заведующую устраивал такой бардак?

– Ой, и не вспоминайте! – старшая сестра в сердцах махнула рукой. – Ее все устраивало, кроме работы! Вы чувствуете, какой тут запах? И это мы еще неделю проветривали! К ней в кабинет со всего госпиталя на перекур почти все местные курильщики собирались Она всех, добрая душа, привечала! Одних окурков после нее чуть ли не ведро вынесли!

– Похоже, не все вынесли, – я подошел к дивану и заглянул за его спинку. – Вон еще куча «бычков» валяется! – ткнул я пальцем в покрытые пылью и пеплом окурки с характерными следами от яркой помады на сморщенных фильтрах.

– Ладно, вы пока возьмите документацию и идите ко мне в кабинет, а я организую солдатиков, чтоб убрались тут у вас.

– А что за солдатики? Из числа больных? – поинтересовался я. – А где же уборщица?!

– Доктор, ну какая уборщица? Кто же сюда пойдет работать за такую смешную зарплату? А насчет солдат не переживайте – они не перетрутся!

– Так они же больные, – нахмурил я брови.

– Дмитрий Андреевич, сделайте обход отделения, познакомьтесь с лечащими докторами. Тут как-никак армия! Есть своя специфика. Со временем поймете, что здесь за больные находятся и чего им можно, а чего нельзя.

– Хорошо, – согласно кивнул я. – Пойду, совершу обход! Где можно получить халат и медицинскую робу?

– Халат? – с удивлением переспросила старшая сестра. – А у нас каждый со своим халатом и робой на работу ходит. Вас разве не предупредили?

– Нет, – растерялся я. – Мне и в голову не приходило, что в таком прославленном госпитале могут возникнуть проблемы с экипировкой заведующего отделением.

– Ладно, – задумалась Елена Андреевна, – попробуем что-нибудь подобрать из старых запасов. У вас какой размер?

Пока старшая сестра любезно подбирала мне халат и медицинский костюм, я решил ознакомиться с той документацией, что, по ее словам, составляла важную часть моей работы. Скрипнув дверцей книжного шкафа, я потянулся за лежавшим наверху стопки одним из документов в красной пластиковой обложке, и в ту же секунду к моим ногам с ожесточенным шуршанием устремилась настоящая бумажная лавина. Множество папок с характерным шелестом заскользило вниз, живо образовав небольшой бумажный холм чуть не до колена. Я взял папку с загадочным названием «Журнал учета тренажей хирургического отделения за 20.. год» и наугад открыл страницу где-то ближе к концу.

Тема № 21: «Анафилактический шок», – прочитал я про себя выделенное жирным шрифтом заглавие и по диагонали прошелся взглядом по основному тексту. Дальше следовало довольно подробное описание этого грозного осложнения в работе медицинского учреждения и инструкция с алгоритмом действий по его устранению. Тем в папке оказалось тридцать, очевидно по количеству дней среднестатистического месяца. В конце обнаружил кем-то заботливо разлинованную таблицу, содержащую в одном столбце фамилии сотрудников отделения, сверху даты и напротив каждой фамилии плюсики или минус.

– Это вам нужно каждый день читать нам лекцию и отмечать присутствующих, – подсказала Елена Андреевна, подошедшая ко мне сзади.

– Каждый день? – неуверенно переспросил я, повернув голову в ее сторону.

– Разумеется! На каждой утренней пятиминутке вы должны читать дежурному персоналу про неотложные состояния и ставить плюсики или минусы, кто присутствует или кто отсутствует. Вот вам халат! Примерьте!

– Однако! – почесал я переносицу, примеряя почти новый халат с чужого плеча. – И что, так вот по кругу весь год нужно читать эти самые неотложные состояния? И что такое «тренаж»?

– Вот это и есть «тренаж»! – невозмутимо ответила старшая сестра, оценивающе разглядывая слегка великоватый халат и поправляя завернувшийся сзади хлястик. – Тут так принято!

Я тяжело вздохнул, но ничего не ответил – принято, так принято! В чужой монастырь со своим уставом не лезут! Ладно, по ходу дела разберемся с этими пресловутыми тренажами! Интересно, а сколько еще подводных камней меня ждет впереди? Судя по бумажному Эвересту, выросшему у моих ног, довольно прилично!

Врачей в отделении сегодня оказалось немного: веселый, средних лет травматолог – крепкий приземистый парень лет под сорок с умными глазами, спрятанными за толстыми линзами модных очков, вечно хмурый пожилой полковник медицинской службы запаса, раньше занимавший должность заведующего одним из хирургических отделений, а сейчас работающий обычным хирургом, и источавший легкое винное амбре мятый лор-врач неопределенного возраста, яростно нажевывающий жевательную резинку. Познакомившись с коллегами в непринужденной обстановке, мы отправились обходить хирургическое отделение.

Старое здание, такое восхитительное снаружи, оказалось таким же отталкивающим внутри. С высоких потолков во многих местах гроздьями свисала серая штукатурка, удерживаемая лишь многослойной паутиной и честным словом. В самом начале отделения под облупленным потолком висели казенного вида круглые часы с мертвыми стрелками и засиженным мухами пожелтевшим циферблатом.

– Давно остановились, – подтвердил мою гипотезу относительно часов старый доктор. – На часового мастера у начальства нет денег, а нам снять и выкинуть жалко – они тут еще до Великой Отечественной войны висели.

– Плохо, – кивнул я и вошел в первую от центрального входа палату.

Широко распахнув крепкую, когда-то давно покрытую белой краской, а сейчас местами уже облупленную скрипучую дверь, мы вошли в просторную, с высоким потолком палату на четырех человек. Остро пахло спертым воздухом и здоровым мужским потом. По периметру вдоль шершавых стен с растрескавшейся, много лет не беленой штукатуркой стояли старые, покрытые чешуйчатой ржавчиной пружинные кровати, заправленные одинаковыми темно-синими тонкими армейскими шерстяными одеялами с ровными черными полосками в ногах. На них, едва касаясь костлявыми ягодицами, сидели понурого вида молодые ребята в одинаковых госпитальных пижамах с жирным черным клеймом «МО» (министерство обороны) на спине. Справа от входа почтительно замер обшарпанный стол на толстых ровных, испещренных похабными и не только словами ножках, едва прикрытый поцарапанной во многих местах блеклой полировкой, с пузатым графином из толстого прозрачного стекла без пробки, стояв-

шим почти по центру в окружении четырех тонкостенных стаканов с прорисованными на дне яркой красной краской инвентарными номерами. Стулья в палате отсутствовали, зато у каждой кровати в изголовье узнавались выдавшие виды крашенные белой масляной краской маленькие тумбочки. Через грязные окна едва проникал дневной свет, а уличный пейзаж был надежно скрыт. Вместо люстры с высоченного потолка змеился черный, скрученный в крупную спираль электрический провод, увенчанный треснутым лампочным патроном с угадывающейся под толстым слоем пыли шестидесятиваттной лампочкой. «Красота» облупленных стен дополнялась вывороченными розеточными гнездами, которые висели на оголенных проводах почти над каждой кроватью. В одну такую розетку кто-то отважно подключил зарядное устройство мобильного телефона.

– Снова телефон заряжаете?! – свел к переносице мохнатые седые брови старый служака. – Сколько раз можно вам повторять, что в госпитале запрещено пользоваться сотовыми телефонами.

– А такими электрическими гнездами можно? – кивнул я в сторону висящей на алюминиевых нервах розетки.

– Да постоянно говорили старой заведующей, – замялся полковник, – что нужно починить розетки, а она – ноль эмоций!

– А сами что? – прищурился я. – Не в состоянии найти мастеров?

– Кто нас послушает? – отмахнулся старый хирург. – Уже миллион раз говорено! Надо, чтоб вы лично с кем надо переговорили! Похоже, пока кого-нибудь током не шибанет, толку не будет!

– Вы с замом по АХЧ¹ поговорите, – подсказала старшая сестра.

– А что окна-то такие грязные? – кивнул я на непроницаемые стекла.

– Их только весной можно отмыть, – вздохнула старшая сестра. – Они же на проезжую часть выходят – там пыль и грязь, а окна уже законопачены на зиму. Вот только осенью их мыли.

– Плохо! Ладно, с окнами ясно! А насчет розеток с замом по АХЧ поговорю, – пообещал я, делая соответствующую отметку в записной книжке.

– Это у нас Женя Скворцов! Юный воин-десантник! – бодро представил травматолог первого пациента. – Привычный вывих правого плеча. В день по пять-шесть раз рука из сустава вылетает. Сам и вправляет! Призвался месяц назад из Башкирии.

– Десантник?! – окинул я тщедушного воина недоверчивым взглядом.

– Так точно! – привычно гаркнул солдатик, выпрямив впалую грудь. – Десантник! 76-я дивизия ВДВ!

– И давно она, – я кивнул на его висевшую вдоль туловища правую руку, – у тебя вылетает?

– Да года два! Я как с мотоцикла упал, так и выскакивает! У нас в деревне некому было прооперировать, а в Уфу что-то как-то не получалось съездить. Так вот и хожу! Да я уже сам наловчился ее вправлять! Ничего! – показал он в широкой улыбке прокуренные зубы.

– А как же тебя в армию-то, беднягу, призвали, да еще в десантные войска? Как такое вообще возможно? – недоверчиво покосился я на травматолога.

– Сейчас все возможно, – пришел ему на помощь старый доктор, оказавшийся Яковом Сергеевичем Моховым. – В военкоматах теперь сидят все, кому не лень! Вернее, все, кого туда загонят. Никто же не хочет из нормальных, знающих все нюансы военной специфики врачей за копейки туда идти! В наше время хоть как-то, но врачей специально готовили для работы в военкомате. Занятия какие-никакие проводили. А сейчас откомандируют самого молодого врачешку, сунут ему приказы, и все! Смотри, изучай, действуй! Ладно, если толковым ока-

---

¹ АХЧ – административно-хозяйственная часть.

жется и сумеет сам в приказах разобраться, а если нет, то... – он не закончил фразу, а с силой рубанул липкий воздух правой ладонью.

– Да уж! – нахмурился я. – И что теперь?

– Теперь будем его увольнять из рядов вооруженных сил, – ответил за Мохова травматолог. – Вот прислали его для прохождения ВВК². Хорошо, что у них там до прыжков дело не дошло! Представляете, что было бы, если б у него вывих в воздухе произошел?!

– Нда-а-а! – протянул я. – И где же были глаза у того доктора, который ему «годен» написал?!

Вторым пациентом оказался Павел Морозов, призванный из Ивановской области две недели назад. У него было настолько выраженное искривление позвоночника, что мне сначала привиделось, что его стриженная ушастая голова растет прямо из правого плеча, где она пребывала при разговоре. Но когда несчастный солдатик стянул с себя пижаму, то мы узрели, что имеет место выраженный сколиоз с нереально чудовищным уклоном позвоночного столба вправо. Этакая мрачная шутка природы и ивановского областного военкомата.

– Его тоже на ВВК прислали? – догадался я.

– Так точно! – по-военному, с грустью в голосе ответил Павел Сергеевич Князев – травматолог. – Будем списывать!

– А зачем их списывать, если они еще присягу не приняли? Разве нельзя их сразу обратно по домам отправить?

– Нельзя! Таковы правила. Раз пропустили на медкомиссии и они уже попали в войска, то теперь их можно списать только по решению ВВК.

– Так за чем же дело стало? – я внимательно посмотрел на говорившего травматолога. – Напишите нужную бумагу, и вперед! Чего парни тут зазря прохлаждаются?!

– Не все так просто, – кисло улыбнулся Павел Сергеевич, – вы ведь до этого с военной медициной не были знакомы?

– Бог миловал!

– А здесь не совсем все так просто, как на «гражданке». На списание может уйти не один месяц!

– А что так долго?!

– О-о-о, – покачал седой головой стоявший рядом полковник. – Вы еще узнаете, что такое ВВК! И с чем его едят! Мало того, – он кивнул в сторону скрученного в спираль военнослужащего, – что ему нужно будет пройти массу обследований, включая компьютерный томограф и УЗИ, не говоря уже о рентгене, и получить не одну консультацию узких специалистов, начиная от уролога, кардиолога и прочих, написать ПРАВИЛЬНО (он громко выделил голосом это слово) соответствующую бумагу, так еще и дождаться нужного ответа. А на это тоже уйдет время!

– И еще бумагу ту легко могут вернуть назад на исправление! Не там запятую поставил, – Павел Сергеевич улыбнулся чуть шире, – не так слово употребил, не все анализы собрал, не так подробно переписал заключения консультантов – сразу отдают на доработку.

– Военный бюрократизм? – участливо поинтересовался я.

– Нет! Просто военный! – не скрывая улыбки, ответил доктор Князев. – Существует даже специальная брошюра, изданная для внутреннего пользования в министерстве обороны, регламентирующая канцелярский язык для написания военных документов.

– Серьезно?!

– Уж куда серьезней! – подключился молчавший доселе лор-врач. – Я вот раз, помню, написал представление на ВВК и...

---

² ВВК – военно-врачебная комиссия, выдает заключения о пригодности к воинской службе.

– Витя, давай после дорасскажешь! – полковник Мохов грубо прервал дышавшего смачным таким перегаром лорика и тактично оттеснил его собой на задний план. – А то мы так два часа все палаты обходить будем.

– Хорошо-хорошо, – живо согласился Виктор Стефанович Пивко, засунул подрагивавшими пальцами в рот свежий кубик мятного «Дирола» и, виновато опустив голову, спрятался за широкую спину травматолога.

Третий воин оказался с врожденным укорочением левой нижней конечности. Как весело произнес травматолог: «Всего-то на шесть сантиметров». При этом он так хромал при ходьбе, что у меня зародились сомнения, что этих злополучных сантиметров куда больше. А последний больной военнослужащий хоть и не имел явных физических пороков до призыва в Вооруженные силы, но, походив с месячишко у себя в части в тяжелых берцах, так сбил свои слабые ноги, что заработал обширные потертости на коже стоп и теперь вынужден залечивать их в хирургическом отделении.

В остальных палатах картина повторилась как под копирку: обшарпанные, забывшие ремонт помещения, начиненные казенной ветхой мебелью с инвентарными номерами, раскуроченные розетки и забитые солдатики и матросики, по воле злого рока и военкома оказавшиеся в рядах российской армии.

Только в последних трех палатах попались матерые, сурового вида бойцы, получившие огнестрельные ранения на Юге. Но про свои увечья они не распространялись, ссылаясь на военную тайну. Я, уже будучи предупрежден насчет них, делал вид, что ребята свои повреждения получили при неосторожном обращении с оружием и с боеприпасами, как было написано в их историях болезни.

Парни с Юга держались особняком, молча переносили повышенное внимание к себе со стороны остальных военнослужащих и старались особо не откровенничать с медперсоналом. Мы тоже им в душу не лезли, а делали свое дело, пытаясь поскорей поставить их на ноги.

За последней палатой оказался узкий проход, ведущий в соседнее здание. Я не удержался и в сопровождении коллег отправился туда. За лишенным дверей дверным проемом следовал длинный, усыпанный разнообразным строительным мусором широкий коридор. По обе его стороны шли просторные комнаты со следами «пыткок»: вырванные вместе с косяками двери, грубо оторванный плинтус, развороченные стены и потолок. В одном месте, ближе к дальнему входу, отыскалась самая огромная дыра в потолке, которая неприкрыто зияла своей откровенной циничностью. Под ней, поджав под себя покореженный кронштейн, скорбно ржавела мятая бестеневая операционная лампа. На разбитых лампочных гнездах слезились мелкие осколки.

– Тут раньше у нас травматологическая операционная и травматделение располагались с перевязочными и гипсовой, – едва сдерживая волнение, просипел травматолог. – Я тут в свое время, можно сказать, каждый гвоздик вот этими руками забил, каждую плиточку приклеил. – Он с нескрываемым сожалением посмотрел на сбитый кем-то недобрым голубоватый кафель и отвернулся.

– А кто же здесь так активно поработал? – недоуменно посмотрел я на коллег. – Кто, а главное, зачем все раскурочил?!

– Был приказ министра обороны Табуреткина о закрытии нашего госпиталя! Вот предыдущее начальство и велело все здесь демонтировать. Здание выставлялось на торги, и медицинское оборудование в нем было лишним, – сухо прокомментировал суровый полковник.

– Туда можете не ходить! – предупредил меня лишенный сентиментальности Яков Сергеевич, узрев, что я, старательно обходя битое стекло на истерзанном линолеуме, направился дальше по коридору. – Там тоже разгром! Везде, во всем госпитале, одно и то же – разруха! Вот мы своими силами только хирургию, терапию и инфекционное отделение от мусора расчистили и начали работать.

– А сколько всего отделений было до закрытия?

– То ли двадцать пять, то ли двадцать шесть, уже и не помню, – печально ответил старый хирург. – А какой госпиталь был! Красота! Силища!

– Одно наше лор-отделение чего стоило! – мечтательно произнес Виктор Стефанович. – На весь советский, а после российский флот гремело! А теперь в нем старые кровати складированы.

Обход показал мне, что в отделении царит полнейший развал что в палатах, что в остальных помещениях. Разумеется, по сравнению с остальным госпиталем хирургия выглядела значительно лучше, но все равно пациентам находиться в таких условиях было невыносимо. К тому же, кроме полусекретных бойцов в последних трех палатах, в настоящем лечении нуждались от силы два-три человека. Так как часть солдат и матросов надлежало списать из армейских рядов, а часть страдала нетяжелыми заболеваниями, у меня возникла идея перевести всех военнотружущих в другие госпитали, а самим заняться ремонтом. Я поделился своими соображениями с врачами отделения. Они как-то без особого энтузиазма посоветовали обсудить сей вопрос с начальником госпиталя.

– Денег нет! И не будет! – коротко отрезал подполковник Волобуев на мой телефонный звонок.

– Да, но пациентам невозможно находиться в таких опасных условиях! – попытался возразить я. – Розетки разворочены, штукатурка со стен и потолка сыпется чуть не на голову, кровати...

– Дмитрий Андреевич, здесь армия! – грубо перебил мои веские доводы начальник госпиталя. – А военнотружущий должен стойко переносить все тяготы и невзгоды армейской службы!

– А если этого самого военнотружущего возьмет и током насмерть шарахнет, то кто станет отвечать?!

– Мы с вами, – уже спокойным голосом ответил начальник. – Свяжитесь с замом по АХЧ и скажите ему насчет розеток. Он в курсе. Все руки у него не доходят! Напомните лишний раз. Но на настоящий ремонт не рассчитывайте! По крайней мере, в этом году точно! Займитесь лучше своей рабочей документацией. Вы уже ознакомились со всеми инструкциями? Поверьте, там есть над чем поработать!

Закончив заведомо бессмысленный разговор, я повесил трубку и нехотя придвинул к себе часть выпавшей из шкафа бумажной кипы, которую мне надлежало изучить. Аккуратно отложив в сторону уже знакомые «тренажи», я снял с вершины бумажного холма увесистую пачку разного рода инструкций и предписаний, кем-то заботливо пронумерованных и прошнурованных.

Через два часа вдумчивого чтения «Должностных инструкций» сотрудников отделения я понял, что начинаю потихоньку сходить с ума. Мало того, что я про себя переводил текст с военного канцелярского языка на общедоступный, так еще и добросовестно старался вникнуть в то, что там было написано. При этом возвышающаяся передо мной бумажная гора не уменьшилась ни на йоту. При такой скорости изучения у меня уйдет... Тут я задумался, а сколько же времени у меня уйдет на все это чтение?

– Добрый день, Дмитрий Андреевич! Не помешал? – прервал мои скорбные размышления розовощекий майор Горошина, исполняющий обязанности начмеда госпиталя.

– Нет, что вы, Григорий Ипатьевич! – встав из-за стола, я протянул ему правую руку.

– Изучаете? – он кивнул на ставшие уже ненавистными бумаги, крепко пожимая мою кисть. – Правильно делаете! Только, – майор картинно выдержал небольшую паузу, по-хозяйски присев на свободный стул прямо напротив меня, – здесь больше половины инструкций уже устарели. Вы на дату смотрели?

– На дату? А что с датой не так?

– Там на большинстве документов устаревшая дата: прошлогодняя, позапрошлогодняя. А инструкции в армии нужно каждый год обновлять. И потом, – он открыл первый попавшийся ему на глаза документ, – тут почти нигде не стоит подпись нынешнего начальника госпиталя и подпись заведующего отделением!

– А что, это так важно?

– Вы что, Дмитрий Андреевич? – породистое лицо майора перекоилось от неподдельного ужаса. – А как же?! Все документы должны быть пронумерованы, со свежей датой и завизированы. Да обязательно с подписью Марата Ивановича и вашей! Вот гляньте, – он сунул мне под нос инструкцию врача-хирурга, – дата двухлетней давности и подпись в правом верхнем углу, где напечатано слово «утверждаю», предыдущего начальника госпиталя!

– Кошмар! – покачал я головой. – Тянет как минимум на суровое воинское преступление!

– Бросьте вашу неуместную иронию, – поморщился майор. – Я вам серьезно говорю: документы нужно не только как следует изучить, но и переделать.

– И я серьезно! Тут, если все переделывать, то работы на несколько месяцев! – я с трудом оторвал двумя руками от стола бумажную массу и с шумом опустил ее назад.

– Мы вас не торопим, но и запускать документацию не позволим! Предыдущая заведующая даже не соизволила ознакомиться ни с одним документом, не говоря уже об исправлениях в них. Надеюсь, у вас с этим проблем не возникнет?

– Хорошо, я попробую, но когда мне тогда заниматься больными и лечебной работой?

– А надо все успевать! – криво ухмыльнулся Горошина и, резко встав со стула, оправил сзади одной рукой отутюженный китель. – Думаю, месяца вам будет достаточно.

– Еще позвольте вопрос? А что, все эти инструкции и наставления уже устарели?

– Почему? Все актуально!

– То есть нужно переделывать все бумаги только потому, что поменялся начальник и дата уже другая?

– Так точно, – мягко улыбнулся майор. – Так у нас в армии заведено! Во всем должен быть порядок! Порядок и дисциплина!

– Так у нас в стране, простите, скоро и деревьев не останется – все на бумагу переведут!

Горошина не стал со мной спорить, а надел на коротко стриженную голову фуражку с высокой тульей и, привычно повернувшись на сто восемьдесят градусов через левое плечо, быстро вышел из кабинета, бесшумно прикрыв за собой входную дверь. Я же остался один на один с целой горой документов. «Может, выбросить их все к чертовой матери, да и все дела?» – мелькнула у меня шальная мысль.

– Дмитрий Андреевич, к вам можно? – прервал мои невеселые размышления звонкий голос старшей сестры. – Я тут вам еще бумаг принесла. Разбирайтесь!

– Куда мне одному столько? – расширил я глаза, когда Елена Андреевна выложила передо мной на стол еще несколько увесистых красных папок.

– Так это уже все по боевой подготовке!

– По чему?! – я аж приподнялся с кресла, на котором сидел.

– По боевой подготовке! Вот здесь списки боевого расчета, план оповещения, условные сигналы. Карты, схемы и так далее. Кстати, теперь вы возглавляете эвакуационную хирургическую бригаду!

– Какую бригаду? Какой расчет?! – я плюхнулся назад в кресло и схватился обеими руками за начавшую пухнуть голову. – Какие сигналы?

– Как «какие»? На случай тревоги! Вы в армии служили?

– В армии я служил! Давно, правда, это было, еще в Советской армии. И тревоги у нас были самые настоящие! Здесь что, тоже нас куда-то повезут? Но мы же, вроде бы, гражданские, или я ошибаюсь?

– Нет! Тут все как бы понарошку. Тревоги – учебные. Главное – правильно заполнить документацию и выполнить последовательность действий. Вот тут все написано! – она протянула мне верхнюю папку с надписью «Боевой расчет хирургического отделения».

– О, и тут еще старый начальник госпиталя значится! – кивнул я на верхний правый угол, где после «Утверждаю» стояла незнакомая фамилия. – Придется и эту папку переделывать?

– Придется, – согласилась со мной старшая сестра. – Еще нужно старую заведующую заменить на вас со всеми данными: адрес, порядок вашего оповещения. Но и это еще не все: у меня в шкафу комплекты для оказания экстренной помощи, их тоже надлежит тщательно проверить по списку и убрать просроченные лекарства и материалы. Чего нет – составьте заявку! Все строго по описи! Да, комплект наших носилок хранится в приемном покое, их тоже нужно проверить и сломанные заменить. Не дай бог объявят тревогу, а у нас что-то неисправное будет или просрочено!

– Тревогу? – я тихо застонал. – А когда же я лечебной работой начну заниматься? Когда уже оперировать стану?

– А здесь лечебная работа обычно на последнем месте стоит! – раздался бодрый голос вошедшего в кабинет травматолога. – У вас тут, извините, дверь нараспашку была, поэтому я без стука и вошел.

– Ой, это я забыла прикрыть за собой, – зарделась старшая сестра. – Руки были заняты – папки вам несли.

– Павел Сергеевич, – я перевел свой грустный взгляд на веселого травматолога, – присаживайтесь! И вы, Елена Андреевна, присаживайтесь. Признаться, я не ожидал, что мне тут придется заниматься бумажной волокитой. Эти чертовы инструкции!

– Не унывайте, – улыбнулся травматолог. – Это еще не самое худшее!

– А что еще может быть хуже, если я вместо лечения больных и операций должен работать над какой-то ерундой?!

– Ну, это не совсем ерунда. Хоть в нашем госпитале из военных всего два человека – начальник и начмед, однако это объект министерства обороны и порядки в нем соответствующие! Если у нас нет осложнений после операций, больные поправляются, не пишут жалобы, вовремя подаются на ВВК, то никто и не вспомнит о лечебной работе. Я имею в виду из начальства. А вот если возникнут проблемы с бумагами, то обязательно накажут. И накажут рублем. Лишат премии, а она здесь каждый месяц и вполне себе ничего так, – многозначительно изрек доктор Князев.

– Это, смотря у кого, – недовольно хмыкнула старшая сестра. – У врачей, может, и ничего, а вот сестрам и санитаркам почти всегда одни копейки достаются!

– Ну, – травматолог широко развел руки в стороны, – тут уж кто на кого учился!

– А вы это все сейчас мне к чему рассказываете? – насторожился я.

– К тому, уважаемый заведующий, что в армии все по последнему смотрят. Если мы свою работу выполним, а кто-то, простите, задержит, то накажут всех!

– Это вы на то намекаете, – я небрежно провел рукой по бумагам, – что если я вовремя не переделаю бумаги, то все отделение лишится премии?

– Ну, я не лично вас имел в виду! – смутился травматолог.

– Я все понял, – остановил я рукой его дальнейшее выступление. – Но как я за один месяц справлюсь с такой задачей?! Тут только навскидку документов около пятисот листов формата А-4! А если учесть, что я печатаю со скоростью один лист в час, то на всю эту кипу уйдет... – тут я задумался, высчитывая, сколько же времени мне понадобится.

– Прекратите ломать голову, не нужно ничего вам самому печатать, – широко улыбнувшись, травматолог прервал мои вычисления. – Все гораздо проще и прозаичней, чем вы думали! Все эти документы в свое время печатали на компьютере, значит, сохранились в электронном виде. Сейчас поставим задачу Володе, и он живо все найдет, исправит и распечатает.

- А кто у нас Володя?
- Володя – это солдат, который нам... – травматолог замялся, подбирая нужное слово.
- Который работает у нас в отделении на компьютере. Он сам по специальности компьютерщик, – пришла ему на помощь Елена Андреевна. – Гений, можно сказать! Компьютерный!
- И сколько этот ваш компьютерный гений берет за свою работу?
- Что вы, Дмитрий Андреевич, какие могут быть деньги?! – резко взмахнула правой рукой старшая сестра. – Он же у нас в хирургии лежит!
- Что-то я не припомню такого бойца на обходе? – наморщил я лоб. – Он в какой палате лежит?
- В девятой! Только его на вашем обходе не было, он, тогда как раз в штаб документы с отделения относил.
- Дмитрий Андреевич, – травматолог добродушно улыбнулся, – видите ли, у нас здесь есть группа солдат и матросов, которые работают в госпитале. Числятся больными, а мы ведем на них истории болезни.
- А-а-а, понимаю, – протянул я, – сачки, значит? Не хотят служить?
- Ну, почему сразу «не хотят служить»? – перестал улыбаться травматолог. – По большому счету никто из современных призывников не желает служить, за редким исключением. И я их понимаю, почему они должны за спасибо целый год впахивать на министерство обороны?
- А как же долг перед Родиной? – я с вызовом посмотрел Павлу Сергеевичу в его честные голубые глаза. – А если война? Кто нас тогда с вами защищать станет?
- Да бросьте вы кидаться избитыми фразами, – спокойно выдержал мой тяжелый взгляд доктор Князев. – Я сам ВМА заканчивал и не понаслышке знаю об армейской службе. В армию, равно как и на флот, люди должны идти сугубо добровольно, а не из-под палки! Иначе – бардак! Они вон сейчас всего какой-то год служат, а дедовщина все равно существует в войсках и процветает. Год! Деды, блин! Вот они и пытаются закосить по-всякому, лишь бы не в части находиться!
- А здесь, простите, позвольте с вами не согласиться! Я сам служил, еще тогда в Советской армии, и про дедовщину знаю не по рассказам бывалых. И компетентно могу заявить, что в тех частях, где офицеры борются с дедовщиной, она сходит на нет!
- Так в том-то и дело, если борются! А в большинстве случаев офицерам откровенно наплевать на солдат и они закрывают глаза на то, что творится в подразделениях. Поэтому я за контрактную армию!
- У-у-у, господа, в какие дебри вы сейчас залезли, – с улыбкой прервала наш спор Елена Андреевна. – Вернитесь на землю! Это уж не нам решать, какая у нас армия будет – по призыву или по контракту. Нам нужно вот в данный момент решить проблему с бумагами, – она многозначительно посмотрела на возвышающуюся на моем столе кучу. – Поэтому я предлагаю привлечь Володю.
- А разве это правильно – привлекать для этой цели больного солдата?
- Да он уже три месяца как здоров!
- Три месяца? – я перевел взгляд на старшую сестру. – Он что, у вас три месяца работает?!
- Ну, во-первых, – Елена Андреевна слегка обиделась, – тут так все делают! Раньше были специальные солдаты из числа хозобслуги, которые прямо проходили срочную службу в госпитале. Но теперь их сократили, а обязанности-то их остались, и нам приходится самим как-то выкручиваться. Вот подбираем толковых парней из числа больных и продляем им истории болезни. Фактически они числятся больными, а практически выполняют разного рода работу. А во-вторых, если вам что-то не нравится, то печатайте сами!
- Дмитрий Андреевич, – вновь заговорил травматолог, – не берите в голову! Начальство в курсе наших маленьких хитростей, с командирами частей, откуда прибыли эти бойцы, кон-

такт налажен. Вы поймите, что без таких ребят тяжело. Старшина отделения, компьютерщик, дневальный, на КПП, даже санитар в операционной – это все из команды выздоравливающих.

– Так они тут у нас, глядишь, и дембель встретят, – обронил я.

– Так и замечательно! Мы потом вместо них новых ребят наберем. Свято место – пусто не бывает! Они нам пользу приносят немалую. Их же в армию призвали, а там уже неважно, где служить – тут или в части. Вот, к примеру, у нас извечная проблема – в операционной уже много лет подряд нет санитарок. Никто не хочет идти на такую нищенскую зарплату. Кому прикажете мыть инструменты, операционную и помогать на операциях?

– Ладно, – я устало махнул рукой. – Может, в ваших словах и есть доля правды. Пускай этот самый Володя займется документацией, не возражаю!

– Займется! – расцвела старшая сестра. – Только ему нужно показать, что конкретно нужно исправить. Вы разберите пока документы, а я его сейчас позову.

Елена Андреевна и травматолог вышли из кабинета, я вновь устремил свой потухший взор на бумажную груды. Как тут можно во всем разобраться? Тяжело вздохнув, принялся без особого энтузиазма разгребать шелестящую кучу.

Володя оказался долговязым субтильным юношей с бегающими хитрыми глазками на скуластом лице. Без предисловий он взял быка за рога, шустро отсортировав все документы на три кучи в порядке их значимости. Начал вносить изменения с наиболее важной кучи – папок по боевой подготовке. Мой рабочий день закончился в 17:00, а компьютерщик, удобно расположившись в кабинете старшей медсестры у ее компьютера, продолжил работу над документами. Довольный так удачно разрешившейся проблемой, я спокойно отправился домой...

Беспристрастный звук телефонного звонка вырвал меня из объятий Морфея ровно в шесть часов утра.

– Это доктор Правдин? – поинтересовался встревоженный женский голос. И, получив ответ, четко отрапортовал: «Удар ноль семь! В госпитале объявлена боевая тревога! Вам надлежит как можно быстрее явиться в отделение и занять место согласно боевому расчету! Вы – начальник эвакуационной хирургической бригады! Остальные члены уже оповещены!»

– Есть! Принял! – четко по-военному ответил я, положил трубку и... спокойно перевернулся на другой бок. Как ни крути, а мне еще оставался час до намеченного мной подъема...

– Норматив на отлично – сорок минут после получения сигнала тревоги! – вместо «Здравствуйте» с ходу выпалил мне в лицо стоящий у ворот КПП малознакомый холеный подполковник Комаров в полевой форме с какой-то синенькой толстой тетрадкой в руках. Я видел его один раз, когда устраивался на работу, возле здания штаба, где он что-то обсуждал с Волобуевым. Как я понял, он был представителем головного госпиталя. – Судя по адресу, вы живете всего в пяти кварталах отсюда!

– А кто вам сказал, что я ночевал дома?! – лихо парировал я его напрасный выпад. – Время сейчас на часах восемь пятьдесят. Рабочий день у меня с девяти ноль-ноль. Я на работу прибыл вовремя! Какие у вас еще могут быть вопросы к гражданскому лицу?

– Дежурный врач вам передала сигнал ровно в шесть утра! Вам надлежало явиться через сорок минут или сообщить, что вы задерживаетесь! – не унимался подполковник, пропуская мимо ушей мои объяснения.

– Я по дороге попал под бомбежку! Чтоб уцелеть, пришлось зарываться в землю! – без тени смущения вдруг заявил я обалдевшему проверяющему и, сжигаемый сзади его испепеляющим взглядом, твердыми шагами проследовал в отделение.

– Я сейчас подымусь к вам в хирургию! Готовьте документацию! – словно тяжелый дробик, пульнул мне в спину он последние слова.

Володя порадовал – вся документация по боевой подготовке была исправлена и распечатана и еще носила тепло перегревшегося принтера. О том, что сей подвиг дался ему нелегко, свидетельствовали его красные воспаленные глаза. Я поблагодарил компьютерного гения и

отправил его спать. Наскоро провел утреннюю конференцию, где выяснилось, что дежурная смена грамотно среагировала на сигнал тревоги: опустили на окна светомаскировку, выслали на КПП дополнительный наряд, закрыли все входы-выходы в отделение, выставили дополнительных дневальных.

Теперь осталось дожидаться проверяющего и показать ему документацию, где в одной из таблиц карандашом было вписано, во сколько кто прибыл. Оказалось, что почти все сотрудники хирургического отделения явились лишь к самому началу рабочего дня. Но, правда, и все они жили куда дальше меня.

– Так-так! – постукивая остро отточенным карандашом по крышке письменного стола, начал просмотр документов развалившийся в моем кресле подполковник Комаров. – Посмотрим, как тут у вас с документами!

– Я заведующий всего второй день, – напомнил я, усевшись рядом на жесткий стул.

– Я в курсе, – кивнул Комаров. – У меня нет полномочий вас наказывать, я только выявляю недостатки, а вы их потом устраняете. Где у вас журнал учета рабочего времени?

– Вот! – быстро выудила из кипы на столе и сунула под нос проверяющему какую-то толстую тетрадь помогающая мне старшая сестра. – Все заполнено!

– Хорошо-хорошо, – пробежал глазами все исписанные страницы подполковник и поднял свои водянистые глаза на меня. – А журнал тренажей оказания экстренной помощи?

– Вот!

– Журнал тренажей отработки видов боевой тревоги? Журнал учета прибытия и убытия военнослужащих? Журнал учета перевязочного материала? Журнал учета медоборудования? Журнал...

– Вот! Вот! Вот! Вот!

Три часа невозмутимый подполковник въедливо изучал выложенные перед ним журналы. Три часа, не разгибаясь, он искал недоделки, делая какие-то пометки у себя в секретной тетради. За это время в операционной выполнили две плановые операции. Увы, без моего участия!

– Ну, что ж, – Комаров потянулся в кресле, поворачивая затекшее туловище в разные стороны. – Так вроде неплохо!

– У нас всегда все хорошо, – поспешила заверить его Елена Андреевна. – У проверяющих претензий не бывает!

– Верю-верю! А где у вас «Журнал учета журналов»?

– Что? – я посмотрел на подполковника широко раскрытыми глазами, не зная, то ли он чего-то напутал, то ли сейчас издевается за мое утреннее поведение.

– Пожалуйста! – старшая сестра уже отточенным движением подала вспотевшему проверяющему еще один, не замеченный мной, заботливо укутанный в прозрачную пленку небольшой журнальчик, сделанный из общей тетради.

– Ага! – победно вострубил подполковник. – А вот это уже серьезное замечание будет! Я понимаю, вы там даты исправили, у вас поменялся заведующий, начальник, они не успели еще везде расписаться. Ладно! Распишутся! Но вот тут! – он ткнул толстым волосатым пальцем в последнюю страницу. – У вас указано, что числится тридцать восемь журналов, а я насчитал тридцать девять! Не вписан журнал учета дополнительных полдников для больных! А вот это уже серьезный залет! И я буду вынужден доложить о нем вышестоящему начальству!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.